

УДК 316.64: 159.9.072.432

ДРУГОЙ, ПОХОЖИЙ НА МЕНЯ: ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИГРУПОВОЙ ПЕРЦЕПЦИИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С РАЗНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ НЕГАТИВНЫХ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ¹

М.В. Балева^а

^а *Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, д. 15*

Исследуется совместное влияние факторов личностного сходства и личностной валентности на отношение к представителю своего пола. Обнаружено, что ясно осознаваемое сходство с Другим приводит к инверсии оценок «хорошей» и «плохой» личности, а объективное, но не вполне осознаваемое сходство вызывает ослабленный вариант такой инверсии. Рост выраженности негативных личностных черт улучшает отношение к «плохому» человеку у юношей и ухудшает отношение к «хорошему» человеку у девушек. Полученные результаты интерпретируются в контексте механизмов социальной перцепции Другого и могут быть использованы для разработки стратегий самопрезентации и управления впечатлением.

Ключевые слова: социальная перцепция; Я и Другой; отношение к Другому; личностное сходство с Другим; «хорошая» и «плохая» личность; Темная триада; негативные черты личности; ингрупповой фаворитизм; защита самооценки.

Введение

Восприятие Другого представляет собой одно из наиболее актуальных направлений в исследованиях социальной перцепции. Во-первых, потому что является источником роста социальной напряженности [1], а во-вторых, потому что, несмотря на большой объем эмпирических данных, описывающих предикторы формирования отношения к Другому, слабо поддается прямой коррекции.

На сегодняшний день известно, что отношение к Другому сопряжено с предвзятым отношением к нему, которое выражается в заниженных оценках присущих ему характеристик на фоне позитивного самоотношения. Известно также, что некоторые формальные характеристики и особенности личности *субъекта* восприятия, *объекта* восприятия и *ситуаций*, в которых это восприятие осуществляется, позволяют снизить общую предвзятость в отношении Другого. Например, более позитивное отношение к Другому обеспечивается позитивным самоотношением субъекта [2], низким

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00329.

уровнем его агрессивности [3], особенностями его когнитивных стилей [4, 5], уровнем доверия к Другому [6], амбивалентностью суждений о нем [7], внешней привлекательностью Другого [8–10], его харизматичностью [11], скромностью [12], ситуацией сближения с ним [13] и другими факторами.

Проблема заключается в том, что описанные выше факторы достаточно слабо влияют на общее предвзятое отношение к Другому, т.е. в какой-то мере ослабляют, в исключительных случаях (как правило, ненадолго) меняют его на позитивное, но по большому счету не справляются с феноменом предвзятости. Безусловно, задачу глобальной коррекции психологических механизмов, лежащих в основе этого явления, вряд ли уместно даже формулировать, поскольку эти механизмы имеют адаптивный характер и регулируются эволюционным отбором [14]. В то же время определенные ситуации социального взаимодействия требуют надежной коррекции в части взаимного восприятия субъектов, поскольку представляют собой утирированные случаи предвзятого отношения, имеющего тенденцию усиливаться, но не ослабевать. Так, в межэтнической или подростковой среде отношение к Другому зачастую является не просто отрицательным, но откровенно агрессивным и потенциально криминальным [15].

Как правило, участники деструктивной коммуникации субъективно обосновывают свое негативное отношение к Другому тем, что он является объективно «плохим» [16], т.е. обладает рядом личностных свойств, которые традиционно осуждаются социумом, например наглостью, лживостью, эгоизмом и т.п. Разумеется, набор таких социально неприемлемых свойств имеет свою специфику в разных социальных группах. В то же время можно выделить и относительно универсальные образы «плохого» и «хорошего» человека [17]. В конце 1990-х гг. в психологии появилось понятие негативных личностных черт [18], которые можно считать валидным описательным тезаурусом нового, типичного для нашего времени образа «плохой» личности, который может быть измерен с помощью опросника черт Темной триады.

Еще одним субъективным основанием для дискриминации Другого является его радикальная непохожесть на субъекта. Обнаружено, что чем сильнее (принципиальнее) расхождение, например по цвету кожи [19], политическим взглядам [20], возрасту [21] и т.д., тем сильнее отвергающее отношение к объекту. Поскольку понятие «Другой» является достаточно абстрактным и широким по объему, достаточно сложно сравнивать между собой результаты исследований, в которых образ Другого выделен по разным основаниям (национальность, пол, профессия и т.д.). В связи с этим не представляется возможным судить о том, что является более существенным основанием для дискриминации – качественное своеобразие критерия или степень расхождения по нему. Например, будет ли восприниматься как «свой» человек с другим цветом кожи, но того же пола или тех же политических взглядов? Насколько велико должно быть различие между субъектом и объектом по определенному критерию, чтобы по этому критерию субъект стал считать объекта Другим и обнаруживать предвзятость по отношению к нему?

На наш взгляд, исследование сходства и различия между Я и Другим по критерию личностных свойств является наиболее перспективным для выявления ключевых факторов, определяющих отношение к нему. Во-первых, отношение к личности определяется достаточно общими представлениями о «хорошем» и «плохом» и в меньшей степени обременены идеологическими, политическими и другими стереотипами. Во-вторых, наиболее распространенное в житейской психологии и социально одобряемое суждение о Другом на основании понимания того, «какой он человек», содержит в своей основе именно личностные характеристики.

Идея нашего исследования заключалась в том, чтобы экспериментально «столкнуть» между собой два ключевых фактора, определяющих отношение к Другому – личностную валентность объекта восприятия («хороший» / «плохой» человек) и его личностное сходство / отличие от субъекта восприятия.

Цель исследования – определить, как факторы личностной валентности объекта и сходства с ним опосредуют друг друга при формировании отношения к Другому и какой из этих факторов является более сильным.

Была выдвинута *гипотеза* о том, что факторы субъективного и объективного сходства с объектом восприятия могут исказить отношение к «хорошему» и «плохому» объекту таким образом, что личностное сходство с «плохим» объектом будет способствовать формированию более позитивного отношения к нему, а личностный контраст с «хорошим» объектом – формированию к нему более негативного отношения. Это может проявиться в том, что при высокой выраженности у субъекта негативных личностных черт будет наблюдаться тенденция к оценочному смещению в его восприятии образов «хорошего» и «плохого» человека.

Методы исследования

Описание выборки. В исследовании приняли участие 462 студента Пермского государственного национального исследовательского университета. После удаления статистических выбросов по всем измеряемым переменным выборка сократилась до 414 человек. В нее вошли учащиеся 1–4 курсов в возрасте от 18 до 24 лет ($M = 20,40$, $SD = 0,89$), из них 86 мужчин (21%).

Процедура. На первом этапе участникам предлагалось письменно ответить на вопросы Короткого опросника Темной триады [22], затем посмотреть видеозапись интервью, в ходе которого другой студент отвечал на вопросы того же теста. После этого респонденты отвечали на вопросы о студенте из видеозаписи, оценивая его внешность, сходство его характера со своим, а также выражая отношение к нему по Шкале общего отношения к объекту восприятия [23]. Для исключения зашумляющего влияния феноменов, связанных с восприятием объекта противоположного пола, девушкам предъявлялась видеозапись интервью с девушкой, а юношам – с юношей.

Стимульный материал. Видеозаписи интервью были подготовлены с помощью двух студентов разного пола, обучающихся по специальности «актерское искусство». В интервью они отвечали на вопросы теста Темной триады в соответствии с ключами к нему. Каждый студент сыграл две роли, которые были условно названы «плохой» и «хороший». Изображая «плохого» человека, они давали ответы, свойственные для личности с максимальной выраженностью макиавеллизма, нарциссизма и психопатии, а изображая «хорошего» человека, – так, как ответила бы личность с нулевой выраженностью данных черт. Видеозаписи интервью с «хорошим» и «плохим» персонажами предъявлялись респондентам примерно в равных пропорциях. По предварительным оценкам в фокус-группе, состоявшей из 23 студентов, не принимавших участия в основном исследовании, персонажи, сыгранные студентами, соответствовали описаниям личности с контрастной выраженностью темнотриадических черт. Дополнительная оценка валидности стимульного материала осуществлялась с помощью экспертов – трех педагогов по актерскому мастерству – и составила в среднем 86%.

Методики и измеряемые показатели. Для определения качественной специфики личности участников исследования был использован Короткий опросник Темной триады. Опросник состоит из 27 пунктов, в отношении каждого из которых испытуемому предлагается выразить степень своего согласия по 7-балльной шкале. Опросник включает 22 прямых и 5 обратных пунктов, составляющих показатели макиавеллизма, нарциссизма и психопатии (по 9 пунктов в каждой шкале).

Для оценки отношения к объекту восприятия использовалась авторская методика – Шкала общего отношения к объекту восприятия, состоящая из 15 утверждений, описывающих возможное мнение о предъявляемом персонаже с диапазоном согласия от 1 до 7 баллов. Шкала включает 7 прямых и 8 обратных пунктов, составляющих показатели когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов отношения к объекту (по 5 пунктов в каждом). Например, утверждение «На мой взгляд, он / она является умным человеком» относится к когнитивному компоненту, утверждение «Он / она вызвал(а) у меня отвращение» – к эмоциональному, «Если бы ему / ей понадобилась моя помощь, я помог(ла) бы ему / ей» – к поведенческому.

Оценка субъективного сходства с объектом восприятия измерялась с помощью прямого вопроса «Насколько похожи ваши с ним / с ней характеры?» по шкале от 1 («минимально похожи») до 10 («максимально похожи»).

Контрольным показателем в исследовании выступила оценка внешности объекта восприятия, которая измерялась с помощью прямого вопроса «Насколько привлекательной вы считаете внешность этого юноши / этой девушки?» по шкале от 1 («минимально привлекательная») до 10 («максимально привлекательная»). Внешность юноши была оценена на $4,38 \pm 1,85$ балла, а внешность девушки – на $6,11 \pm 2,00$ балла. Таким образом, внешность стимульных объектов воспринималась испытуемыми как средне привлекательная.

Анализ данных. Обработка результатов осуществлялась в программе Statistica 10 с использованием корреляционного, дисперсионного и кластерного анализа. Характер распределения показателей определялся по значениям асимметрии и эксцесса. Основные статистические процедуры выполнялись с помощью дисперсионного анализа и были направлены на исследование зависимости отношения к объекту от фактора личностного сходства с ним, измеряемого *субъективно*, с помощью 10-балльной шкалы сходства характеров с объектом восприятия, и *объективно* – с помощью Короткого опросника Темной триады. Низкий и высокий уровень *субъективного* сходства определялся по прямым оценкам самих респондентов. Низкий уровень *объективного* сходства с объектом задавался сочетанием противоположных валентностей личностных черт («хороший» субъект – «плохой» объект, «плохой» субъект – «хороший» объект), а высокий уровень – сочетанием их одинаковых полюсных валентностей («хороший» субъект – «хороший» объект, «плохой» субъект – «плохой» объект). Для объекта восприятия фактор личностной валентности задавался двумя уровнями («хороший», «плохой»), а для субъекта восприятия – тремя (низкий, средний и высокий уровни субъективного сходства с объектом / выраженности темнотриадических черт). Во всех случаях уровни сходства с объектом определялись с помощью процедуры кластеризации по методу К-средних.

Взаимодействие факторов сходства с объектом и личностной валентности объекта исследовалось с помощью двухфакторного дисперсионного анализа, в ходе которого рассматривались совместные эффекты данных факторов по переменным «Общее отношение к объекту», «Когнитивный компонент отношения», «Эмоциональный компонент отношения» и «Поведенческий компонент отношения». Главные эффекты фактора «Личностная валентность объекта восприятия» на эти же переменные контролировались с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Главные эффекты показателей объективного и субъективного сходства с объектом восприятия не изучались в отрыве от фактора личностной валентности объекта, поскольку трактовка данных эффектов имела принципиально разный смысл в случае восприятия «хорошей» и «плохой» личности.

С помощью корреляционного анализа исследовалось соответствие друг другу показателей субъективного и объективного сходства с объектом восприятия.

Результаты исследования

Часть 1. Контрольные статистические процедуры

В табл. 1 приводятся данные описательной статистики показателей после удаления статистических выбросов. На основании близких значений среднего и медианы, а также величин асимметрии и эксцесса был сделан вывод о соответствии полученных данных закону нормального распределения.

Таблица 1

**Описательная статистика показателей негативных черт
и отношения к объекту восприятия**

Показатели методик	N	M	Me	SD	As	SE _{As}	Ex	SE _{Ex}
Короткий опросник Темной триады								
Макиавеллизм	414	40,35	41	7,28	−0,01	0,12	−0,45	0,24
Нарциссизм	414	36,43	36	6,95	0,03	0,12	−0,31	0,24
Психопатия	414	25,99	26	6,90	0,21	0,12	−0,53	0,24
Шкала общего отношения к объекту восприятия								
Когнитивный компонент отношения к объекту	414	18,95	19	5,97	0,05	0,12	−0,57	0,24
Эмоциональный компонент отношения к объекту	414	18,70	19	6,77	0,08	0,12	−0,59	0,24
Поведенческий компонент отношения к объекту	414	19,90	20	6,52	−0,10	0,12	−0,71	0,24

Примечание. При N = 414 As_{крит} = 0,36, Ex_{крит} = 1,18.

В табл. 2 приведены результаты корреляционного анализа показателей объективного (по результатам диагностики Коротким опросником Темной триады) и субъективного (по самоотчетам респондентов) сходства с объектом восприятия.

Таблица 2

**Коэффициенты корреляций показателей субъективного
и объективного сходства с объектом восприятия**

Показатели объективного сходства с объектом	Субъективное сходство с «хорошим» объектом		Субъективное сходство с «плохим» объектом	
	выборка юношей	выборка девушек	выборка юношей	выборка девушек
Макиавеллизм	−0,43*	−0,44***	0,31*	0,34***
Нарциссизм	−0,33	−0,47***	0,24*	0,30**
Психопатия	−0,28	−0,34***	0,09	0,32***
Негативные черты (интегративный показатель)	−0,56**	−0,52***	0,27*	0,43***

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Было обнаружено, что объективно диагностируемое и субъективно осознаваемое (декларируемое) респондентами сходство с объектами восприятия не противоречат друг другу и в целом согласуются. Объективный интегративный показатель негативных черт обнаружил значимые отрицательные корреляции с показателем субъективного сходства с «хорошим» объектом ($r = -0,56$, $p < 0,01$ у юношей и $r = -0,52$, $p < 0,001$ у девушек) и положительные корреляции с показателем субъективного сходства с «плохим» объектом ($r = 0,27$, $p < 0,05$ у юношей и $r = 0,43$, $p < 0,001$ у девушек). Величины корреляционных коэффициентов свидетельствовали о более высокой готовности респондентов признавать сходство с «хорошей» ($r_{ср} = |0,54|$), чем с «плохой» ($r_{ср} = |0,23|$) личностью. Субъективное признание имеющегося сходства с «плохой» личностью было более выражено у девушек

($r = 0,43$, $p < 0,001$), чем у юношей ($r = 0,27$, $p < 0,05$). При этом юноши с высокой психопатией слабее всего идентифицировали себя с «плохим» объектом ($p > 0,40$). Юноши с высоким макиавеллизмом адекватно оценивали свое отличие от «хорошего» юноши ($p < 0,05$), однако плохо распознавали свое отличие от него при выраженной нарциссизме ($p > 0,10$) и психопатии ($p > 0,10$). У девушек при выраженной психопатии распознавание собственного отличия от «хорошей» девушки было несколько ниже ($r = |0,34|$), чем при высоком макиавеллизме ($r = |0,44|$) и нарциссизме ($r = |0,47|$).

Поскольку корреляции между показателями объективного и субъективного сходства с объектами восприятия в целом по выборке оказались умеренными, а не сильными, мы предположили, что опосредующее влияние фактора личностного сходства на формирование отношения к объекту будет зависеть от параметра его объективности–субъективности. Другими словами, факторы субъективного и объективного сходства с объектом будут по-разному опосредовать эффекты личностной валентности объекта восприятия на формирование отношения к нему.

В качестве контрольной статистической процедуры с помощью однофакторного дисперсионного анализа были отслежены главные эффекты фактора «Личностная валентность объекта восприятия». Результаты анализа приводятся в табл. 3.

Таблица 3

**Главные эффекты личностной валентности объекта восприятия
на показатели отношения к нему**

Зависимые переменные (показатели отношения к объекту своего пола)	Выборка юношей		Выборка девушек	
	F	p	F	p
Общее отношение	20,44	<0,001	191,16	<0,001
Когнитивный параметр отношения	3,75	0,056	90,31	<0,001
Эмоциональный параметр отношения	35,16	<0,001	235,09	<0,001
Поведенческий параметр отношения	19,08	<0,001	173,41	<0,001

Результаты анализа свидетельствуют о наличии стабильного главного эффекта фактора личностной валентности объекта на формирование отношения к нему как в женской, так и в мужской выборке. Этот результат подтверждает ожидаемую адекватную реакцию респондентов на предъявляемые в эксперименте перцептивные стимулы: по данным post-hoc сравнений, отношение к объекту с низкой выраженностью темнотриадических черт было резко позитивным, а к объекту с их высокой выраженностью – резко негативным. Обнаруженная статистическая разница в отношении к «хорошему» и «плохому» объекту своего пола проявлялась по всем компонентам отношения – когнитивному, эмоциональному и поведенческому, т.е. респонденты оценивали «хорошего» объекта по сравнению с «плохим» как более «правильного», эмоционально привлекательного («приятного») и выражали более высокую готовность к взаимодействию с ним. Отметим однако, что разница в когнитивном отношении к «хорошему» и «плохому»

юноше в мужской выборке была менее контрастной ($p < 0,06$), чем разница в эмоциональном ($p < 0,001$) и поведенческом ($p < 0,001$) отношении. Это свидетельствует о том, что эмоционально отвергая «плохого» человека, не желая общаться с ним, рационально юноши все же готовы признать наличие в нем некоторых положительных качеств.

Часть 2. Опосредующие эффекты субъективного сходства с объектом восприятия

В табл. 4 представлены результаты анализа взаимодействий фактора субъективного сходства с объектом восприятия и фактора личностной валентности объекта восприятия по переменным отношения к нему.

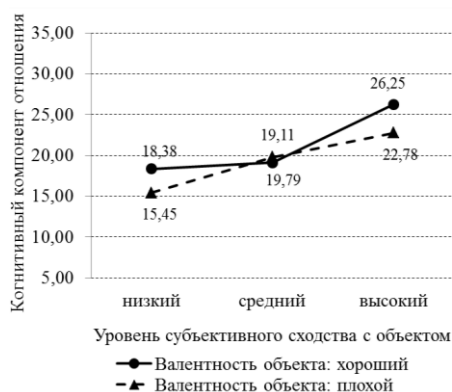
Таблица 4

Взаимодействия факторов субъективного сходства с объектом и личностной валентности объекта по переменным отношения

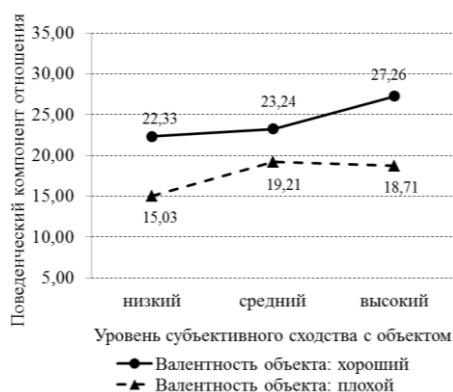
Показатели отношения к объекту (зависимые переменные)	Выборка юношей		Выборка девушек	
	F	p	F	p
Общее отношение	1,13	0,327	1,94	0,145
Когнитивный компонент отношения	1,36	0,262	1,08	0,340
Эмоциональный компонент отношения	0,97	0,385	1,44	0,239
Поведенческий компонент отношения	0,65	0,526	4,04	0,018

Результаты анализа свидетельствуют, что в целом взаимодействия факторов личностной валентности объекта и субъективного сходства с объектом восприятия по переменным отношения являются незначимыми. Исключение составляет взаимодействие данных факторов по поведенческому компоненту в выборке девушек, которое оказалось значимым ($F = 4,04$, $p < 0,05$). Эти результаты в целом можно было бы трактовать как опровергающие гипотезу, поскольку они указывают, что фактор субъективного сходства с объектом восприятия «не вмешивается» в действие фактора «личностная валентность объекта», т.е. негативное отношение к «плохой» и позитивное отношение к «хорошей» личности остается таковым при разных уровнях субъективно осознаваемого респондентами сходства с объектом восприятия. Однако дальнейшие *post-hoc* сравнения показали весьма интересные результаты. Во-первых, оказалось, что максимально высокие оценки отношения к объекту наблюдаются при сочетании его положительной личностной валентности и высокого уровня субъективного сходства с ним, а максимально низкие – при сочетании его отрицательной личностной валентности и низкого уровня субъективного сходства с ним. Во-вторых, выяснилось, что значения показателя общего отношения к «плохому» Другому, *похожему* на субъекта восприятия, и отношение к «хорошему» Другому, *не похожему* на субъекта восприятия, являются одинаковыми, т.е. разница между ними статистически не значима. Данная закономерность имеет место и у юношей, и у девушек. При этом у юношей она справедлива для всех компонентов отношения ($p > 0,20$), а по когнитивному компоненту похожий «плохой» оценивается даже выше, чем не похожий

«хороший» ($p < 0,05$) (рис. 1). У девушек аналогичная закономерность наблюдается только по показателям общего ($p > 0,50$) и когнитивного ($p < 0,01$, также с перевесом оценки в пользу похожего «плохого») отношения, но исчезает в случае эмоциональной и поведенческой оценки (рис. 2). Другими словами, юноши и девушки считают, что похожий на них «плохой» человек лучше, чем не похожий на них «хороший». При этом юноши эмоционально принимают похожего «плохого» и готовы взаимодействовать с ним так же, как и с непохожим на себя «хорошим» юношей. Девушки же демонстрируют негативное эмоциональное отношение к похожей на себя «плохой» девушке и не готовы взаимодействовать с ней, несмотря на осознаваемое сходство ее характера со своим.

Рис. 1. Совместные эффекты факторов субъективного сходства с объектом и личностной валентности объекта на показатель когнитивного отношения в выборке мужчин

Рис. 2. Совместные эффекты факторов субъективного сходства с объектом и личностной валентности объекта на показатель поведенческого отношения в выборке женщин

Рис. 3. Совместные эффекты факторов субъективного сходства с объектом и личностной валентности объекта на показатель поведенческого отношения в выборке мужчин

Post-hoc сравнения показали также, что при разных уровнях субъективного сходства с объектом у девушек сохраняется значимое (либо близкое к значимому) различие между положительной оценкой «хорошей» и отрицательной оценкой «плохой» личности. У юношей прослеживается та же закономерность, которая нарушается лишь в случае когнитивного компонента отношения при средней оценке сходства с объектом (см. рис. 1). По мере роста субъективного сходства с объектом его оценка по всем компонентам отношения становится выше, причем это прослеживается в равной мере и в отношении к «хорошему», и в отношении к «плохому» объекту. Небольшое исключение составляет оценка юношами «хорошего» юноши по поведенческому компоненту (рис. 3). Это свидетельствует о том, что юноши выражают высокую готовность общаться с «хорошим» юношей независимо того, насколько похожим на себя они его считают.

Часть 3. Опосредующие эффекты объективного сходства с объектом восприятия

В табл. 5 представлены результаты анализа взаимодействий фактора объективного сходства с объектом восприятия и фактора личностной валентности объекта по переменной общего отношения.

Таблица 5

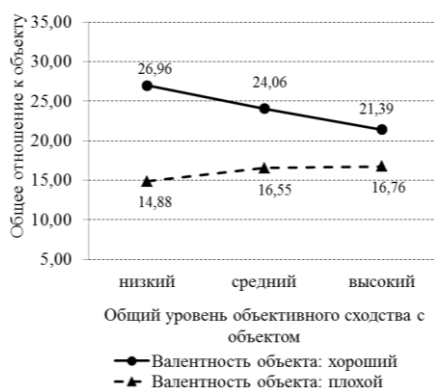
Взаимодействия факторов объективного сходства с объектом и личностной валентности объекта по переменной общего отношения

Межгрупповые факторы	Выборка юношей		Выборка девушек	
	F	p	F	p
Негативные черты субъекта × валентность объекта	2,32	0,105	11,07	< 0,001
Макиавеллизм субъекта × валентность объекта	0,37	0,692	7,60	0,001
Нарциссизм субъекта × валентность объекта	0,64	0,533	6,72	0,001
Психопатия субъекта × валентность объекта	3,64	0,031	2,99	0,051

Взаимодействия факторов личностной валентности объекта и субъекта восприятия по переменной общего отношения у девушек оказались значимыми для всех негативных черт ($p < 0,001 \div 0,06$), а у юношей – только для психопатии ($p < 0,05$). Другими словами, в выборке девушек позитивное общее отношение к «хорошей» и негативное отношение к «плохой» личности оказывается более чувствительным к фактору объективного сходства, чем в выборке юношей.

Результаты post-hoc тестов показали, что объективно диагностируемое личностное сходство объекта и субъекта восприятия в целом не меняет соотношения между негативной оценкой общего отношения к «плохой» и позитивной оценкой общего отношения к «хорошей» личности. Разница между ними остается статистически значимой и в мужской, и в женской выборках. У девушек более позитивное отношение к «хорошей», чем к «плохой» девушке сохраняется при росте всех трех негативных черт, однако значимость различий в оценках обнаруживает тенденцию к снижению, что визуально прослеживается на рис. 4. У юношей при росте макиавел-

лизма и нарциссизма наблюдается относительная стабильность разницы в отношении к «хорошему» и «плохому» юноше и значимое (радикальное) расхождение в их оценках при контрастных уровнях психопатии. На рис. 5 видно, что при среднем уровне психопатии у юношей отмечается исчезновение различий в оценочном отношении к объектам с разной личностной валентностью ($p > 0,20$).

Рис. 4. Совместные эффекты факторов объективного сходства с объектом по негативным чертам и личностной валентности объекта на показатель общего отношения в выборке женщин

Рис. 5. Совместные эффекты факторов объективного сходства с объектом по психопатии и личностной валентности объекта на показатель общего отношения в выборке мужчин

Post-hoc анализ отношения к «хорошей» личности выявил, что у юношей при разном уровне выраженности негативных личностных черт отношение к «хорошему» юноше не меняется, оставаясь стабильно высоким, а у девушек — значимо снижается и достигает минимума при высоком уровне любой негативной черты. Отношение к «плохой» личности у девушек является стабильно негативным и не обнаруживает изменений при росте сходства с ней по любой негативной черте. У юношей при общей стабильно низкой оценке «плохого» юноши все же проявляется более положительное отношение к нему при росте психопатии (см. рис. 5). Таким образом, полюсные проявления психопатии у юношей радикализируют различия в оценке «хорошего» и «плохого» объекта, а рост психопатии вызывают большую симпатию к похожему на них сверстнику с выраженным негативным профилем личности.

В табл. 6 представлены результаты анализа взаимодействий фактора объективного сходства с объектом восприятия и фактора личностной валентности объекта восприятия по переменной когнитивного отношения.

Взаимодействия факторов личности объекта и субъекта восприятия по когнитивному компоненту отношения у девушек также оказались значимыми для всех негативных черт ($p < 0,001 \div 0,002$), а у юношей — только для макиавеллизма ($p < 0,06$). Это означает, что в выборке девушек пози-

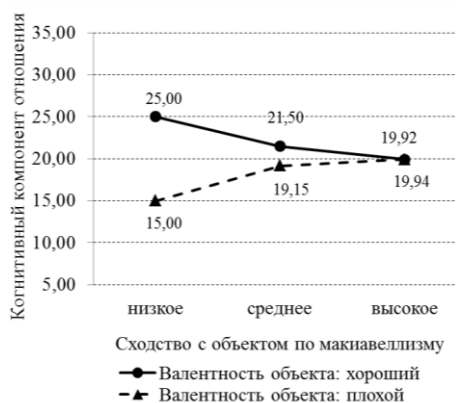
тивная когнитивная оценка «хорошей» и негативная когнитивная оценка «плохой» личности оказывается более чувствительной к фактору объективного сходства, чем в выборке юношей.

Таблица 6

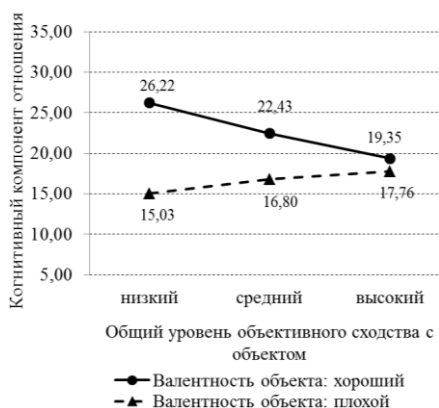
Взаимодействия факторов объективного сходства с объектом и личностной валентности объекта по переменной когнитивного отношения

Межгрупповые факторы	Выборка юношей		Выборка девушек	
	F	p	F	p
Негативные черты субъекта × валентность объекта	1,36	0,263	14,43	< 0,001
Макиавеллизм субъекта × валентность объекта	3,01	0,055	9,52	< 0,001
Нарциссизм субъекта × валентность объекта	0,34	0,712	6,35	0,002
Психопатия субъекта × валентность объекта	1,60	0,207	7,07	0,001

Результаты post-hoc тестов показали, что объективно диагностируемое личностное сходство объекта и субъекта восприятия элиминирует статистически значимое различие между отрицательной когнитивной оценкой «плохой» и положительной когнитивной оценкой «хорошей» личности в выборке мужчин (рис. 6) и существенно ослабляет его в выборке женщин (рис. 7).

Рис. 6. Совместные эффекты факторов объективного сходства с объектом по макиавеллизму и личностной валентности объекта на показатель когнитивного отношения в выборке мужчин

Рис. 7. Совместные эффекты факторов объективного сходства с объектом по негативным чертам и личностной валентности объекта на показатель когнитивного отношения в выборке женщин

Юноши обнаруживают сходство когнитивного отношения к объекту уже при среднем уровне темнотриадических черт, а у девушек когнитивная дифференциация «хорошей» и «плохой» личности демонстрирует как бы большую инерционность, сохраняясь при низком и среднем уровне темнотриадических черт и практически исчезая лишь при их высоком уровне. Исключение из этой общей тенденции в выборке девушек наблюдается по показателю нарциссизма: при его высокой выраженности разница в когни-

тивной оценке «хорошей» и «плохой» девушки снижается, однако остается статистически значимой. Можно предположить, что это объясняется специфическим проявлением женского нарциссизма, который в большей степени связан со стремлением к социальному одобрению, т.е. более нормативен, чем мужской. По нашим данным, собранным на той же выборке, но не вошедшим в настоящее исследование, у женщин показатель социальной желательности по методике диагностики социально-психологической адаптации Роджерса–Даймонд в тенденции оказался выше, чем у мужчин ($t = 1,82, p < 0,07$). Более того, у женщин показатель нарциссизма обнаружил положительную корреляцию со шкалой социальной желательности ($r = 0,11, p < 0,05$), а у мужчин корреляция между данными показателями оказалась незначимой ($r = 0,02, p > 0,80$).

Когнитивная оценка «хорошей» личности при росте показателей негативных черт у юношей не меняется, а у девушек значимо снижается. Когнитивная оценка «плохой» личности у девушек, наоборот, не обнаруживает изменений при усилении сходства с ней, а у юношей растет при усилении выраженности их собственного макиавеллизма (см. рис. 6) и психопатии.

В табл. 7 представлены результаты анализа взаимодействий фактора объективного сходства с объектом восприятия и фактора личностной валентности объекта по переменной эмоционального отношения.

Таблица 7

Взаимодействия факторов объективного сходства с объектом и личностной валентности объекта по переменной эмоционального отношения

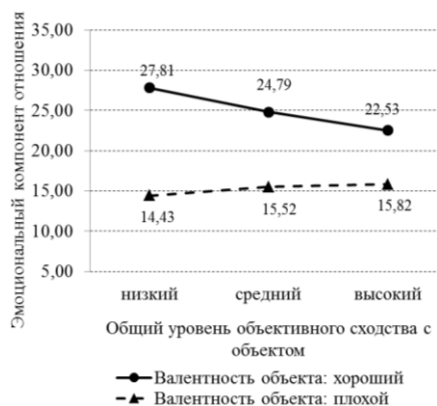
Межгрупповые факторы	Выборка юношей		Выборка девушек	
	F	p	F	p
Негативные черты субъекта × валентность объекта	4,14	0,019	7,17	0,001
Макиавеллизм субъекта × валентность объекта	0,17	0,840	5,45	0,005
Нарциссизм субъекта × валентность объекта	1,91	0,155	5,23	0,006
Психопатия субъекта × валентность объекта	4,68	0,012	1,20	0,303

Взаимодействия факторов личности объекта и субъекта восприятия по эмоциональному компоненту отношения у девушек оказались значимыми для всех негативных черт ($p < 0,001 \div 0,006$), кроме психопатии, а у юношей – только для макиавеллизма ($p < 0,05$) и интегративного показателя темной триады ($p < 0,05$).

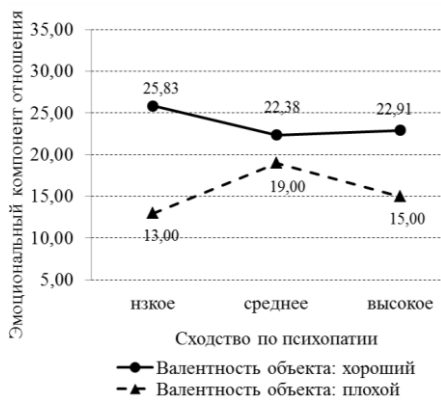
Результаты post-hoc тестов показали, что объективно диагностируемое личностное сходство объекта и субъекта восприятия в целом не меняет соотношения между негативной эмоциональной оценкой «плохой» и позитивной эмоциональной оценкой «хорошей» личности. И юноши, и девушки обнаруживают стабильные статистически значимые различия в эмоциональных оценках «хорошего» и «плохого» объекта своего пола при любом уровне выраженности негативных личностных черт. Тенденции к снижению значимости различий в эмоциональных оценках объекта при росте негативных черт субъекта не наблюдается.

При усилении негативных черт эмоциональная оценка «хорошей» личности у юношей не меняется, а у девушек снижается до минимума при вы-

соком уровне каждой негативной черты (рис. 8). Эмоциональное отношение к «плохой» личности у девушек остается неизменно низким, не меняясь при росте негативных личностных черт. У юношей прослеживается та же тенденция, которая, однако, нарушается при росте психопатии: наиболее позитивное эмоциональное отношение к «плохому» объекту наблюдается у респондентов мужского пола при среднем уровне собственной психопатии (рис. 9).

Рис. 8. Совместные эффекты факторов объективного сходства с объектом по негативным чертам и личностной валентности объекта на показатель эмоционального отношения в выборке женщин

Рис. 9. Совместные эффекты факторов объективного сходства с объектом по психопатии и личностной валентности объекта на показатель эмоционального отношения в выборке мужчин

В табл. 8 представлены результаты анализа взаимодействий фактора объективного сходства с объектом восприятия и фактора личностной валентности объекта по переменной поведенческого отношения.

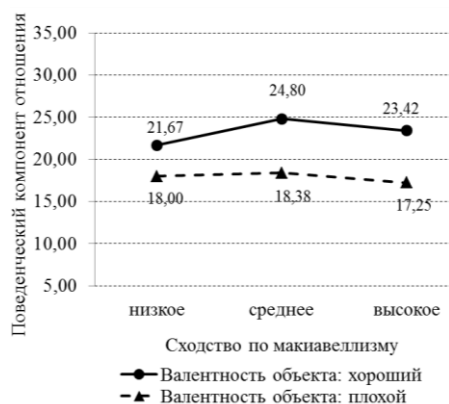
Таблица 8

Взаимодействия факторов объективного сходства с объектом и личностной валентности объекта по переменной поведенческого отношения

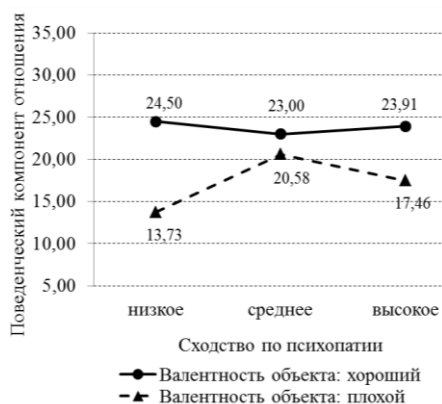
Межгрупповые факторы	Выборка юношей		Выборка девушек	
	F	p	F	p
Негативные черты субъекта x валентность объекта	2,21	0,117	6,57	0,002
Макиавеллизм субъекта x валентность объекта	0,23	0,799	4,51	0,012
Нарциссизм субъекта x валентность объекта	0,43	0,651	5,14	0,006
Психопатия субъекта x валентность объекта	3,04	0,053	1,10	0,335

Взаимодействия факторов личности объекта и субъекта восприятия по поведенческому компоненту отношения у девушек также оказались значимыми для всех негативных черт ($p < 0,002 \div 0,012$), кроме психопатии, а у юношей – только для психопатии ($p < 0,06$). Таким образом, в выборке девушек позитивное поведенческое отношение к «хорошей» и негативное отношение к «плохой» личности оказывается более чувствительным к фактору объективного сходства, чем в выборке юношей.

Результаты post-hoc тестов показали, что у девушек наблюдаются стабильные статистически значимые различия в поведенческих оценках «хорошей» и «плохой» девушки, которые обнаруживают уже описанную выше визуальную тенденцию к схождению (уменьшению контрастности) при высокой выраженности всех негативных черт. У юношей аналогичные результаты наблюдаются только при росте нарциссизма. В свою очередь, рост личностного макиавеллизма юношей способствует усилению контраста между демонстрируемой ими высокой готовностью взаимодействовать с «хорошим» и низкой готовностью взаимодействовать с «плохим» объектом (рис. 10). Вероятно, это связано с тем, что для макиавелиста взаимодействие с темнотриадической личностью представляется менее перспективным с точки зрения манипулятивного воздействия на нее. При усилении личностной психопатии у юношей наблюдались аналогичные обнаруженным ранее (см. рис. 5, 9) расхождения в оценках поведенческого параметра отношения к «хорошей» и «плохой» личности: при среднем уровне личностной психопатии юноши выражают одинаковую готовность к взаимодействию как с «хорошим», так и с «плохим» объектом (рис. 11).

Рис. 10. Совместные эффекты факторов объективного сходства с объектом по макиавеллизму и личностной валентности объекта на показатель поведенческого отношения в выборке мужчин

Рис. 11. Совместные эффекты факторов объективного сходства с объектом по психопатии и личностной валентности объекта на показатель поведенческого отношения в выборке мужчин

Как и в случае с другими показателями отношения, поведенческая оценка «хорошей» личности у юношей не обнаруживала значимых изменений, а у девушек снижалась до минимума при высоком уровне каждой негативной черты. Поведенческое отношение к «плохой» личности у девушек оставалось неизменно низким при всех уровнях выраженности макиавеллизма и психопатии и лишь немного улучшалось при росте нарциссизма ($p_{\text{ср}} < 0,07$). У юношей поведенческое отношение к «плохой» личности не менялось при разных уровнях макиавеллизма и нарциссизма, оставаясь стабильно низким, но обнаруживало рост при усилении личностной психопатии (см. рис. 11).

Обсуждение

Результаты, полученные в нашем исследовании, свидетельствуют о том, что личностное сходство с воспринимаемым Другим является существенным фактором формирования отношения к нему. В случае, когда это сходство осознается и констатируется самим субъектом восприятия, его влияние на отношение к Другому становится решающим – вплоть до того, что объективно отрицательный, но воспринимаемый как «похожий на меня» человек, начинает оцениваться более высоко, чем объективно положительный, но «не похожий на меня». Мы полагаем, что генезис данного явления можно трактовать двояким образом.

Во-первых, обнаруженную инверсию оценок «хорошего» и «плохого» человека можно рассматривать как частный случай ингруппового фаворитизма, который проявляется в более позитивном отношении к ингруппе по сравнению с аутгруппой [24, 25]. В исследованиях данного феномена было обнаружено, что ингрупповая предвзятость наблюдается при осознании общности с другими людьми (возникновению «мы-чувства») на основании сходства с ними по любому, даже формальному, критерию [26]. Судя по всему (по крайней мере наши данные позволяют сделать такое предположение), сходство характеров также может являться основанием для осознания себя в качестве «одного из» условной группы «робких», «настойчивых», «беспринципных» и т.д. Во-вторых, такое перцептивное искажение носит, с нашей точки зрения, защитный характер и направлено на поддержание самоуважения. В этом случае обнаруженный феномен становится в один ряд с другими стратегиями защиты самооценки [27, 28]. С другой стороны, мы полагаем, что защитный характер переоценки похожего Другого может являться не столько следствием, сколько побочным логическим эффектом предрасположения в пользу своего Я, возникающим по принципу когнитивного консонанса: «Я – хороший. Он – такой же, как я. Значит, он тоже хороший» или «Я – хороший. Он совсем не такой, как я. Значит, он плохой».

Интересно, что объективное личностное сходство с объектом, не выведенное на уровень сознания, не дает столь отчетливой инверсии отношения к «хорошему» и «плохому», как субъективно воспринимаемое сходство. На наш взгляд, это можно объяснить существующей разницей между когнитивным и эмоциональным компонентами самооценки. Так, рационально признавая определенные черты своего характера, эмоционально человек может по-разному относиться к ним: принимать одни и отвергать другие. Наблюдая в Другом собственные эмоционально отвергаемые черты, человек бессознательно «предпочтет не заметить» свое сходство с этим Другим, на уровне сознания выразив это отторжение в низкой оценке «плохого» Другого. Такая интерпретация косвенно подтверждается двумя фактами, полученными в нашем исследовании. Во-первых, как показал корреляционный анализ, человек в большей степени готов признавать сходство с «хорошей», чем с «плохой» личностью. Во-вторых, когнитив-

ный компонент отношения к Другому оказался наиболее чувствительным к вмешательству фактора объективного сходства, а эмоциональный компонент, наоборот, оказался наиболее устойчивым.

Еще один примечательный факт, полученный в нашем исследовании, свидетельствует о том, что усиление выраженности темнотриадических черт субъекта может приводить к схождению оценок «хорошей» и «плохой» личности, причем такое схождение и у юношей, и у девушек отчетливо проявляется на уровне когнитивного компонента отношения, а у девушек (в тенденции) затрагивает также эмоциональный и поведенческий компоненты. Концептуальная основа нашего исследования, предполагающая трактовку оценки объекта восприятия в терминах «Я–Другой», позволяет предположить, что феномен такого схождения можно объяснить скорее в терминах общих законов социальной перцепции, нежели нравственной деформации темнотриадической личности. На наш взгляд, схождение оценок «хорошего» и «плохого» человека в восприятии темнотриадического субъекта является ослабленным вариантом их инверсии в случае субъективно декларируемого таким субъектом сходства с «плохим» и объясняется описанными выше феноменами ингруппового фаворитизма и защиты самооценки. Важно отметить, что обнаруженный эффект схождения у юношей и девушек обеспечивался разной логикой формирования перцептивных установок: у юношей – за счет улучшения отношения к «плохому» юноше, а у девушек – за счет ухудшения отношения к «хорошей» девушке. На основании имеющихся статистических результатов мы считаем возможным выдвинуть гипотезу о гендерной обусловленности восходящих и нисходящих Я-сравнений [29]. Можно предположить также, что «женская» и «мужская» логика в данном случае имеет адаптивный характер, связанный с более рискованной стратегией сближения с «таким же плохим, как я» у мужчин и менее рискованной стратегией избегания «такой же плохой, как я» у женщин. Данные предположения мы рассматриваем как возможные направления наших дальнейших исследований.

В мужской выборке формирование отношения к объекту характеризовалось еще одной специфической особенностью, не наблюдавшейся в выборке женщин: при контрастных уровнях оценки субъективного сходства с объектом, а также при контрастной (низкой и высокой) выраженности психопатии у мужчин наблюдались наиболее радикальные (т.е. расходящиеся) оценки «хорошей» и «плохой» личности. При среднем уровне субъективного и объективного (по психопатии) сходства с объектом эти оценки были менее контрастными (т.е. сходились). На наш взгляд, средний уровень *субъективного* сходства с объектом можно трактовать как неопределенность его восприятия. Субъект в данном случае не может однозначно описать ни «хорошего», ни «плохого» объекта, как бы говоря: «Я не знаю, какой он – ни в сравнении со мной, ни как другая личность». Средний уровень *объективного* сходства с объектом по показателю психопатии отражает средний уровень выраженности данной черты и свидетельствует о нечеткой сформированности у субъекта этических норм. Мы полагаем, что

ситуация идентификационной и этической неопределенности вызывает у юношей затруднения при оценке образа Другого. У девушек же восприятие «хорошей» и «плохой» личности является более устойчивым к перцептивной размытости образа Другого и собственных этических установок. На этом основании можно предположить, что механизм идентификации в процессе социальной перцепции играет у женщин менее значимую роль, т.е. они в меньшей степени, чем мужчины, судят о Другом «по себе» и в большей степени ориентируются на некие стереотипные представления о «хорошем» и «плохом».

Заключение

Таким образом, проведенное нами исследование выявило, что при формировании субъективного отношения к представителю своего пола человек ориентируется преимущественно на степень личностного сходства с ним. Вторым по значимости фактором формирования отношения к объекту выступает его личностная валентность, т.е. выраженность у него социально одобряемых (скромность, отзывчивость, порядочность и т.д.) либо не одобряемых черт (стремление к манипулированию, нарциссизм, безнравственность). В третью очередь отношение к Другому определяется объективным личностным сходством с ним, которое более четко осознается при совпадении положительных, чем при совпадении отрицательных черт.

Обнаружено, что усиление выраженности темнотриадаических проявлений субъекта восприятия может приводить к схождению оценок «хорошей» и «плохой» личности (ср.: [30]), причем такое схождение и у юношей, и у девушек отчетливо проявляется на уровне когнитивного компонента отношения, а у девушек (в тенденции) затрагивает также эмоциональный и поведенческий компоненты. Обнаруженный эффект оценочного схождения у юношей и девушек обеспечивается разной логикой формирования перцептивных установок: у юношей – за счет улучшения отношения к «плохому» юноше, а у девушек – за счет ухудшения отношения к «хорошей» девушке. Ситуация идентификационной и этической неопределенности вызывает у юношей затруднения при оценке образа Другого. У девушек же восприятие «хорошей» и «плохой» личности является более устойчивым к перцептивной размытости образа Другого и собственных этических установок.

Распространение результатов нашего исследования на процессы социальной перцепции Другого имеет определенные ограничения. Во-первых, идентификация качественной специфики личности субъекта и объекта восприятия осуществлялась нами по чертам Темной триады и, соответственно, не может оцениваться как исчерпывающее описание личности. Во-вторых, исследование проводилось на выборке студентов крупного вуза. Это обстоятельство существенно сужает целевую группу молодежи, на которую могут быть распространены выводы, – и по критерию возраста, и по ряду статусно-демографических и индивидуально-личностных харак-

теристик (уровень доходов семьи, интеллект, просоциальная направленность и др.).

Полученные результаты могут быть использованы в широком спектре ситуаций социального взаимодействия, начиная от массмедиа и заканчивая межличностным общением. Так, например, намеренное усиление сходства с целевой аудиторией, осуществляемое на основании предварительной оценки личностных свойств, ценностных установок и мотивов ее участников, может усилить эффективность педагогического воздействия на «трудных» подростков. Стратегии самопрезентации, разработанные на основе учета выявленных нами гендерных особенностей восприятия Другого, могут помочь в сфере управления. Полученные результаты могут использоваться также при разработке программ бесконфликтного межгруппового взаимодействия, в основе которого лежит повышение уровня осознанности (актуализации) субъективного сходства с представителями аутгруппы по ряду личностных свойств.

Литература

1. Oswald F.L., Mitchell G., Blanton H., Jaccard J., Tetlock P.E. Predicting ethnic and racial discrimination: a meta-analysis of IAT criterion studies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. Vol. 105 (2). P. 171. 192. DOI: 10.1037/a0032734.
2. Шишкина И.А. Особенности восприятия другого человека интеллектуально одаренными подростками // *Сибирский психологический журнал*. 2012. № 43. С. 43–47.
3. Панчехина Н.Н. Связь агрессивности личности и особенностей социальной перцепции // *Личность в природе и обществе*. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2010. С. 71–73.
4. Балева М.В., Гасимова, В.А., Ковалева Г.В. Когнитивные механизмы стереотипизации Другого // *Психологический журнал*. 2018. Т. 39, № 3. С. 78–90. DOI: 10.7868/S0205959218030054.
5. Förster J., Liberman N., Kuschel S. The effect of global versus local processing styles on assimilation versus contrast in social judgment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 94. P 579–599. DOI: 10.1037/0022-3514.94.4.579.
6. Леонова И.Ю. Влияние межличностного доверия на восприятие «другого» в конфликте // *Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология*. 2015. Т. 8, № 1. С. 43–49.
7. Priester J.R., Petty R.E. Extending the bases of subjective attitudinal ambivalence: Interpersonal and intrapersonal antecedents of evaluative tension // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. Vol. 80 (1). P. 19–34. DOI: 10.1037/0022-3514.80.1.19.
8. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с.
9. Погонцева Д.В. Красивая женщина: социально-демографический анализ представлений // *Социальная психология и общество*. 2011. Т. 2, № 1. С. 73–82.
10. Погонцева Д.В., Лабунская В.А. Лукизм: лицо, тело, душа // *Лицо человека в пространстве общения* / отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М. : Моск. ин-т психоанализа ; Когито-Центр, 2016. С. 56–72.
11. Tskhay K.O., Zhu R., Zou C., Rule N.O. Charisma in everyday life: Conceptualization and validation of the General Charisma Inventory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018. Vol. 114 (1). P. 131–152. DOI: 10.1037/pspp0000159.
12. Lockhart K.L., Goddu M.K., Keil F.C. When saying “I’m best” is benign: Developmental shifts in perceptions of boasting // *Developmental Psychology*. 2018. Vol. 54 (3). P. 521–535. DOI: 10.1037/dev0000443.

13. Nussinson R., Seibt B., Häfner M., Strack F. Come a bit closer: Approach motor actions lead to feeling similar and behaviorally assimilating to others // *Social Cognition*. 2010. Vol. 28. P. 40–58. DOI: 10.1521/soco.2010.28.1.40.
14. Miller S.L., Maner J.K., Becker D.V. Self-protective biases in group categorization: Threat cues shape the psychological boundary between “us” and “them” // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 99 (1). P. 62–77. DOI: 10.1037/a0018086.
15. Чепракова Е.А. Устойчивые формы агрессии у современных подростков: результаты лонгитюдного исследования // *Психолого-педагогические исследования*. 2011. № 3. С. 141–150.
16. Карнышев А.Д. Феномены межэтнического взаимодействия и межкультурная компетентность // *Сибирский психологический журнал*. 2008. № 28. С. 21–28.
17. Goodwin G.P., Piazza J., Rozin P. Moral character predominates in person perception and evaluation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 106. P. 148–168. DOI: 10.1037/a0034726.
18. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // *Journal of Research in Personality*. 2002. Vol. 36 (6). P. 556–563. DOI: 10.1016/S0092-6566(02)00505-6.
19. Phills C.E., Kawakami K., Tabi E., Nadolny D., Inzlicht M. Mind the gap: Increasing associations between the self and blacks with approach behaviors // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 100 (2). P. 197–210. DOI: 10.1037/a0022159.
20. Stevens S.T., Jussim L., Anglin S.M., Contrada R., Welch C.A., LaBrecque J.S., Motyl M., Duarte J., Terbeck S., Sowden W., Edlund J., Campbell W.K. Political exclusion and discrimination in social psychology: Lived experiences and solutions // *The politics of social psychology* / J.T. Crawford, L.J. Jussim (eds.). New York : Routledge, 2017. P. 210–244. DOI: 10.4324/9781315112619.
21. North M.S., Fiske S.T. A prescriptive intergenerational-tension ageism scale: Succession, identity, and consumption (SIC) // *Psychological Assessment*. 2013. Vol. 25 (3). P. 706–713. DOI: 10.1037/a0032367.
22. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 43. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (дата обращения: 19.12.2018).
23. Щебетенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С. Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими // *Вестник Пермского государственного института искусства и культуры*. 2007. Т. 3, № 1. С. 57–69.
24. Bettencourt B.A., Charlton K., Dorr N., Hume D.L. Status differences and in-group bias: a meta-analytic examination of the effects of status stability, status legitimacy, and group permeability // *Psychological Bulletin*. 2001. Vol. 127. P. 520–542. DOI: 10.1037/0033-2909.127.4.520.
25. Балева М.В. Влияние произвольной групповой самоидентификации на социальную перцепцию групп разного типа // *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 68. С. 109–130. DOI: 10.17223/17267080/66/7.
26. Tajfel H. Cognitive aspects of prejudice // *Journal of social issues*. 1969. Vol. 25. P. 79–98. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1969.tb00620.x.
27. John O.P., Robins R.W. Accuracy and bias in self-perception: Individual differences in self-enhancement and the role of narcissism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 66 (1). P. 206–219. DOI: 10.1037/0022-3514.66.1.206.
28. Stanovich K.E., West R.F., Toplak M.E. Myside bias, rational thinking, and intelligence // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. Vol. 22. P. 259–264. DOI: 10.1177/0963721413480174.
29. Mussweiler T., Rüter K., Epstude K. The Ups and Downs of Social Comparison: Mechanisms of Assimilation and Contrast // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. Vol 87 (6). P. 832–844. DOI: 10.1037/0022-3514.87.6.832.

30. Корниенко Д.С., Балева М.В., Руднова Н.А. Хороший и простой, плохой и сложный: как воспринимается образ другого при разных уровнях Темной триады // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1644-kornienko62.html> (дата обращения: 22.12.2018).

Поступила в редакцию 09.01.2019 г.; повторно 24.03.2019 г.; принята 20.08.2019 г.

Балева Милена Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: milenabaleva@yandex.ru

For citation: Baleva, M.V. The Other Person, Similar To Me: Particularities of Intragroup Perception of Young Men and Women with Different Levels of Negative Personality Traits. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 74: 64–87. doi: 10.17223/17267080/74/4. In Russian. English Summary

The Other Person, Similar To Me: Particularities of Intragroup Perception of Young Men and Women with Different Levels of Negative Personality Traits

M.V. Baleva^a

^a Perm State University, 15, Bukireva Str., Perm, 614990, Russian Federation

Abstract

The purpose of the study was to determine how the personal valence of perceived object and his/her similarities with the subject of perception mediate each other in the process of social perception, and which of these factors is stronger. We hypothesized that the subjective and objective similarity with the perceived objects can distort the attitude towards the “good” and “bad” Others in such a way that the personal similarity with the “bad” objects will contribute to more positive, and the personal contrast with the “good” objects – to more negative attitude towards them. The study involved 414 students of different specialties from 18 to 24 years old, including 86 male (21%). Participants were asked to answer the questions of the Short Dark Triad Scale (SD3), then to watch an interview with “the same as they are” student. The interviewee was a young actor or actress who answered the questions of the same SD3 in one case as a “bad” (i.e. absolutely dark-triadic) person, and in the other case – in exactly opposite way. After the interview, respondents answered the questions about the interviewee, assessing his/her appearance, the similarity with their own characters, and also expressing attitudes towards him/her using the Attitude Scale comprising cognitive, emotional and behavioral assessment. To eliminate the interference of intersex perception phenomena, females watched an interview with a young girl, and males – with a young man. The joint effects of the object’s personal valence and the subjective/objective similarity with the object were investigated in relation to cognitive, emotional and behavioral assessments of the perceived Other. It was found that personal similarity was a significant factor in shaping attitudes. In case when this similarity is realized and ascertained by the subject, its influence on the attitude towards the Other becomes decisive: objectively negative, but perceived as “similar to me” person, begins to be rated more highly than objectively positive, but “not similar to me” one. The objective personal similarity, not brought to the consciousness, does not give such a distinct inversion of the attitude to the “good” and “bad” person. Increased severity of dark-triadic features of the subject can lead to a convergence of his/her assessments of the “good”

and “bad” person. This convergence is clearly manifested in the cognitive attitude in both male and female samples, and in the female sample it also affects the emotional and behavioral attitudes. The discovered estimated convergence in male sample is ensured by improving the attitude towards the “bad” man, and in female sample – by worsening the attitude towards the “good” woman. On the contrast levels of subjective similarity with the object, as well as on the contrast (low and high) levels of psychopathy in female sample, the most radical (divergent) assessments of the “good” and “bad” person were observed.

Keywords: social perception; I and the Other; attitude to the Other; personal similarity with the Other; “good” and “bad” person; dark triad; negative personality traits; ingroup favoritism; protection of self-esteem.

References

1. Oswald, F.L., Mitchell, G., Blanton, H., Jaccard, J. & Tetlock, P.E. (2013) Predicting ethnic and racial discrimination: a meta-analysis of IAT criterion studies. *Journal of Personality and Social Psychology*. 105(2). pp. 171–192. DOI: 10.1037/a0032734
2. Shishkina, I.A. (2012) Features of perception of other person by an intellectually gifted teenager. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 43. pp. 43–47. (In Russian).
3. Panchekhina, N.N. (2010) Svyaz' agressivnosti lichnosti i osobennostey sotsial'noy pertseptsii [The relationship between the aggressiveness of the individual and the characteristics of social perception]. In: Panchekhina, N.N. et al. *Lichnost' v prirode i obshchestve* [Personality in Nature and Society]. pp. 71–73.
4. Baleva, M.V., Gasimova, V.A. & Kovaleva, G.V. (2018) Cognitive mechanisms of stereotyping the Other. *Psikhologicheskii zhurnal*. 39(3). pp. 78–90. (In Russian). DOI: 10.7868/S0205959218030054
5. Förster, J., Liberman, N. & Kuschel, S. (2008) The effect of global versus local processing styles on assimilation versus contrast in social judgment. *Journal of Personality and Social Psychology*. 94. pp 579–599. DOI: 10.1037/0022-3514.94.4.579
6. Leonova, I.Yu. (2015) Effect of interpersonal trust on perception of the other in conflict. *Vestnik YuUrGU. Ser. Psikhologiya – Bulletin of the South Ural State University. Series “Psychology”*. 8(1). pp. 43–49. (In Russian).
7. Priester, J.R. & Petty, R.E. (2001) Extending the bases of subjective attitudinal ambivalence: Interpersonal and intrapersonal antecedents of evaluative tension. *Journal of Personality and Social Psychology*. 80(1). pp. 19–34. DOI: 10.1037/0022-3514.80.1.19
8. Bodalev, A.A. (1982) *Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom* [Perception and understanding of human by human]. Moscow: Moscow State University.
9. Pogontseva, D.V. (2011) Beautiful Women: Socio-Demographic Analysis of Representation. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 2(1). pp. 73–82. (In Russian).
10. Pogontseva, D.V. & Labunskaya, V.A. (2016) Lukizm: litso, telo, dusha [Lookism: face, body, soul]. In: Ananieva, K.I., Barabanshchikov, V.A. & Demidov, A.A. (eds) *Litso cheloveka v prostranstve obshcheniya* [The person's face in the space of communication]. Moscow: Kogito-Tsentr. pp. 56–72.
11. Tskhay, K.O., Zhu, R., Zou, C. & Rule, N.O. (2018) Charisma in everyday life: Conceptualization and validation of the General Charisma Inventory. *Journal of Personality and Social Psychology*. 114(1). pp. 131–152. DOI: 10.1037/pspp0000159
12. Lockhart, K.L., Goddu, M.K. & Keil, F.C. (2018) When saying “I’m best” is benign: Developmental shifts in perceptions of boasting. *Developmental Psychology*. 54(3). pp. 521–535. DOI: 10.1037/dev0000443

13. Nussinson, R., Seibt, B., Häfner, M. & Strack, F. (2010) Come a bit closer: Approach motor actions lead to feeling similar and behaviorally assimilating to others. *Social Cognition*. 28. pp. 40–58. DOI: 10.1521/soco.2010.28.1.40
14. Miller, S.L., Maner, J.K. & Becker, D.V. (2010) Self-protective biases in group categorization: Threat cues shape the psychological boundary between “us” and “them”. *Journal of Personality and Social Psychology*. 99(1). pp. 62–77. DOI: 10.1037/a0018086
15. Cheprakova, E.A. (2011) Stable Forms of Aggression Among Modern Adolescents: Results of a Longitudinal Research. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya – Psychological-Educational Studies*. 3. pp. 141–150. (In Russian).
16. Karnyshev, A.D. (2008) Phenomena of interethnic interaction and intercultural competence. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 28. pp. 21–28. (In Russian).
17. Goodwin, G.P., Piazza, J. & Rozin, P. (2014) Moral character predominates in person perception and evaluation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 106. pp. 148–168. DOI: 10.1037/a0034726
18. Paulhus, D.L. & Williams, K.M. (2002) The Dark Triad of personality: narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*. 36(6). pp. 556–563. DOI: 10.1016/S0092-6566(02)00505-6
19. Phills, C.E., Kawakami, K., Tabi, E., Nadolny, D. & Inzlicht, M. (2011) Mind the gap: Increasing associations between the self and blacks with approach behaviors. *Journal of Personality and Social Psychology*. 100(2). pp. 197–210. DOI: 10.1037/a0022159
20. Stevens, S.T., Jussim, L., Anglin, S.M., Contrada R. et al. (2017) Political exclusion and discrimination in social psychology: Lived experiences and solutions. In: Crawford, J.T. & Jussim, L.J. (eds) *The Politics of Social Psychology*. New York: Routledge. pp. 210–244. DOI: 10.4324/9781315112619
21. North, M.S. & Fiske, S.T. (2013) A prescriptive intergenerational-tension ageism scale: Succession, identity, and consumption (SIC). *Psychological Assessment*. 25(3). pp. 706–713. DOI: 10.1037/a0032367
22. Egorova, M.S., Sitnikova, M.A. & Parshikova, O.V. (2015) Adaptation of the Short Dark Triad. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 8(43). pp. 1. [Online] Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (Accessed: 19th December 2018). (In Russian).
23. Shchebetenko, S.A., Baleva, M.V. & Kornienko, D.S. (2007) Stereotip i sotsial'naya ugroza kak faktory vospriyatiya immigrantov russkimi [Stereotype and social threat as factors in the perception of immigrants by Russians]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo instituta iskusstva i kul'tury*. 3(1). pp. 57–69.
24. Bettencourt, B.A., Charlton, K., Dorr, N. & Hume, D.L. (2001) Status differences and in-group bias: a meta-analytic examination of the effects of status stability, status legitimacy, and group permeability. *Psychological Bulletin*. 127. pp. 520–542. DOI: 10.1037//0033-2909.127.4.520
25. Baleva, M.V. (2018) The effects of ingroup self-identity on the social perception of different groups. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 68. pp. 109–130. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/66/7
26. Tajfel, H. (1969) Cognitive aspects of prejudice. *Journal of Social Issues*. 25. pp. 79–98. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1969.tb00620.x
27. John, O.P. & Robins, R.W. (1994) Accuracy and bias in self-perception: Individual differences in self-enhancement and the role of narcissism. *Journal of Personality and Social Psychology*. 66(1). pp. 206–219. DOI: 10.1037/0022-3514.66.1.206
28. Stanovich, K.E., West, R.F. & Toplak, M.E. (2013) Myside bias, rational thinking, and intelligence. *Current Directions in Psychological Science*. 22. pp. 259–264. DOI: 10.1177/0963721413480174

29. Mussweiler, T., Rüter, K. & Epstude, K. (2004) The Ups and Downs of Social Comparison: Mechanisms of Assimilation and Contrast. *Journal of Personality and Social Psychology*. 87(6). pp. 832–844. DOI: 10.1037/0022-3514.87.6.832
30. Kornienko, D.S., Baleva, M.V. & Rudnova, N.A. (2018) “Good and simple, bad and complex”: the perceived image of another and the Dark triad. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 11(62). pp. 2. [Online] Available from: <http://psystudy.ru/index.php/ num/2018v11n62/1644-kornienko62.html> (Accessed: 22nd December 2018). (In Russian).

*Received 09.01.2019; Revised 24.03.2019;
Accepted 20.08.2019*

Milena V. Baleva – Associate Professor, Department of Developmental Psychology, Perm State University. Cand. Sc. (Psychol.).
E-mail: milenabaleva@yandex.ru